

Памятник Тютчеву открыт в Мюнхене... Если мы пока еще не готовы создать памятник великому русскому поэту, дипломату и мыслителю на его родине, то пусть каждый из нас создаст хотя бы в сердце своем памятник-память, который как целебный источник утолит нашу духовную жажду.

Г. К. Щенников

ТРИ ЛИКА ФЕДОРА ТЮТЧЕВА

Литературные юбилеи последних лет – от многошумного пушкинского двухсотлетия до почти незамеченного, к сожалению, Некрасовского ставось-мидесятилетия – убеждают в том, что у нашего современника особый интерес к юбилярам – творцам словесного искусства: сегодня привлекает не столько их творчество само по себе, сколько личность писателя, выразившаяся в нем, значимость этой личности в национальной памяти, в национальном сознании.

Чем дорог нам Тютчев, имя которого, как я заметил, в эти дни никого не оставляет безучастным? Каким видится нам лицо поэта?

Впрочем, сразу приходится уточнить: в этом лице проступают три лика – поэта, философа и дипломата. Может быть, кому-то покажется неправомерным ставить в один ряд три вида деятельности Тютчева. Но для него самого все три ипостаси его сущности были важны: в 1850–1860-е гг. свою общественную деятельность, выразившуюся и во влиянии на министров, определявших внешнеполитический курс России, и в светских беседах, формировавших национальное самосознание, Тютчев, по-видимому, полагал явлением более значительным, чем свое поэтическое творчество. Об этом свидетельствует его отношение ко второму поэтическому сборнику его стихотворений, выпущенному И. С. Аксаковым в 1868 г., как к «весьма ненужному и весьма бесполезному изданию» [Кожин, 2003, 462]. В. Кожин полагает, что Тютчев не находил удовлетворения в стихотворчестве, потому что ставил перед собой грандиозные, безграничные цели [см.: Там же, 123].

В то же время его общественная служба в салонах и в переписке с канцлером А. Горчаковым была реализацией его историософии, его концепции России как тысячелетней православной державы, постоянно вносившей нравственный смысл в исторический процесс. А историософия Тютчева органически связана с его натурфилософией, с постижением законов природной и человеческой жизни, вызвавших его поэтическое творчество.

Тютчев выразил в своем творчестве прежде всего острое переживание своего присутствия в мире – не на родине, в России, и не на чужбине, в Германии, а в Мироздании, в Природе, в Бытии. Сознание это стимулировалось и исканием отечественных мудрецов, и открытием выдающихся философов

ких умов Германии, особенно Ф. В. Й. Шеллинга. Началось с восприятия природы как живого организма:

Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...

Какая душа? Чья душа? «Мировая душа», как утверждал Шеллинг? «Душа природы» – проявление «божественного творящего духа», как полагали йенские романтики? Так ли? – спрашивал Тютчев:

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?..

Тютчев верил в собственные, внутренние силы природы, дающие ей жизнь. Отсюда особое пристрастие его к природным стихиям – воде, ветру, огню, близость его к древнегреческой милетской школе философов, хорошо показанная Б. М. Козыревым [1988, 97–114].

Жизнью и природы, и человека движут, по Тютчеву, полярные силы: ритм постоянной смены дня и ночи, отрады света, тепла и гармонии и бездны хаоса [см.: Айхенвальд, 1994, 118]. У Тютчева хаос пугает, но не страшит. Человек чувствует в нем нечто родное, «родимое», «любимую повесть» души. В. Соловьев справедливо заметил, что стихия хаоса не захватила душу поэта, он остался лучезарен и чист [см.: Соловьев, 1991, 475]. Тютчев-поэт великолепно выразил праздник жизни, его торжествующую красоту:

Сияет солнце, воды блещут,
На всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом.

Поют деревья, блещут воды,
Любовью воздух растворен,
И мир, цветущий мир природы,
Избытком жизни упоен...

Этот избыток жизни он ощущает и в пышущей зноем Италии, и на родной российской ниве, убеленной луной.

Самые яркие и величественные стихи Тютчева – это те, что исполнены торжества от чувства органической связи человеческого мира с Мирозданием:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Счастье человека, по Тютчеву, на путях приобщения к мировому целому, растворения в нем, утраты индивидуальности.

В жизни общественной и исторической постоянно совершаются два полярных процесса: все большее стремление к освобождению личности, к ее автономии, самостоятельности – и вместе с тем тяга к единению, к жизни общей, мировой, к «соборности». Ф. И. Тютчев глубоко чувствовал противоречия духа и души человеческой – противоречия, порожденные не бытом, не социальной средой, даже не историческими условиями, а первозданными стихиями жизни. В знаменитом Денисьевском цикле он показал, что человек фатально обречен на убийственную любовь: разлад таится в самом единении людей; «союз души с душой родной» неизбежно оборачивается «поединком роковым», и причина поединка, по-видимому, в различном характере мужской и женской любви, о чем писал Н. Бердяев [см.: Бердяев, 1989, 432–433].

Тютчев болезненно переживает обреченность человека на смерть и на забвение:

Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих – лишь грезой природы.

Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.

Только в этих стихах, написанных за два года до смерти, Тютчев говорит о «бесполезном подвиге» человеческой жизни.

Во многих других стихотворениях он славит человека, сумевшего сделать жизнь подвигом «наперекор и людям и судьбе», пишет о том, что человеческое мужество жить вызывает восторг, «зависть безмятежных богов»:

Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Мужество личности, по Тютчеву, выражается в противостоянии не только внешней стихии – природной и социальной, но и року внутреннему – индивидуализму. Искушение индивидуализмом проникает во все сферы жизни современного человека – в этику, политику, религиозное сознание и т. п.

Самое страшное явление современности – революция – плод индивидуализма. Тютчев так определяет смысл революции: «революция – современная мысль: человек, в конечном счете, зависит только от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей...» [Тютчев, 1988, 206]. Это апофеоз человеческого «я».

Тютчев полагал, что вся цивилизация Западной Европы выросла из принципа индивидуализма. Но нельзя, по его мысли, отождествлять понятия «цивилизация» и «европеизм». Есть другая Европа – восточная, центр ее – Россия, выдвинувшая другой принцип внутренней и международной жизни – единение, согласие, братство. Принцип этот основан на тысячелетней тради-

ции православного христианства, исповедующего соборность как фундамент духовной жизни. Россия – страна, избранная Христом:

Удрученный нашей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

В ответ на заявление германского канцлера О. Бисмарка о том, что национальное существо может быть достигнуто железом и кровью, Тютчев возразил:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может, спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Тютчевская антитеза двух путей единения человечества – противопоставление мирного пути кровавому – весьма актуальна и в наши дни.

Тютчев дорог нам и как поэт, и как пророк желанного грядущего.

Айхенвальд Ю. Тютчев // Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1994.

Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989.

Кожин В. Ф. И. Тютчев. Пророк в своем отечестве. М., 2003.

Козырев Б. М. Письма о Тютчеве // Лит. наследство. Т. 97, кн. 1. М., 1988. С. 97–114.

Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.

Тютчев Ф. И. Россия и Запад [Незавершенный трактат] // Лит. наследство. Т. 97, кн. 1. М., 1988.

Е. К. Созина

ТВОРЧЕСТВО Ф. И. ТЮТЧЕВА В РОССИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Тютчев – поэт парадоксальный, и это проявляется во всем, не исключая истории его изучения в науке. Крупнейший русский лирик, которого еще Н. Некрасов своей знаменитой статьей 1849 г. «Русские второстепенные поэты» выводил из «второстепенных» в число поэтов первоклассных. Выводил, но вывел ли? Тютчев «выпрыгивает» из своего XIX в., его место в поэзии было определено скорее уже веком Серебряным – статьями В. Соловьева, С. Франка, В. Брюсова, Д. Мережковского. Он провоцирует на самые неожиданные сближения и параллели – от Ф. Ницше до М. Хайдеггера. И несмотря на то, что многие его стихи на уровне бессознательной памяти существуют в нашем сознании с детства, он видится поэтом трудным в силу уникальной – открито-